

Детектив в стиле Конан Дойла

Глава 1

*Март 1893 года, Бродвей,
Нью-Йорк*

Луиза Берентон легко и стремительно направилась вдоль южной части Бродвея.

Ее наряд и камея на горловине шелковой блузки от Чарльза Ворта говорили о том, что эта барышня происходит из хорошей семьи, но степенность облика прибавляла к ее девятнадцати годам лет пять, а узкая юбка заставляла ее семенить так, что казалось, будто она сильно торопится.

Спускались сумерки, и в такое время на этом участке дороги Берентон привыкла спешить. Но сегодня она была особенно взволнована из-за того, что немного задержалась. Ее отец, порождение привычек, по возвращении из банка всегда требовал к семейному чаю со сливками ячменные булочки. Несмотря на двадцать четыре года жизни в Америке, привычка эта, привезенная из родного Корнуэлла, не иссякла, а даже укоренилась.

Булочки должны были непременно быть свежими, и покупать их приходилось как можно позже. Одиннадцатилетний братишка Луизы был слишком мал для такой задачи, поэтому последние три года это стало ее обязанностью. В пекарне ей пришлось ждать еще девять минут, пока из духовки достанут последний противень, и когда она отправилась домой, уже почти стемнело.

Возможно, все эти обстоятельства привели к тому, что она столкнулась с мужчиной, когда тот вышел из-

за угла Тридцать шестой улицы. Желание успеть вовремя и темнота заставили девушку ускорить шаг, что обычно было ей не свойственно.

Сразу после столкновения она торопливо обернулась на незнакомца, но тот быстро затерялся в бродвейской толпе. Машинально проверив, что кошелек на месте, а пакет с булочками в руке, Бернтон с облегчением вздохнула. Если б пакет порвался и булочки рассыпались, пришлось бы возвращаться за новыми, и тогда она бы совсем опоздала.

Часы над мастерской часовщика ярдах в двадцати от Луизы показывали восемнадцать минут седьмого. Если поторопиться, то она опоздает домой минут на двенадцать. Хоть бы папа не рассердился!

* * *

Вид Нью-Йорка в иллюминаторе каюты Энцио Маччиони возник, словно предзнаменование: над городом застыл серый влажный туман, в котором едва можно было разглядеть несколько зданий. Панорама Нью-Йорка не имела ничего общего с тем, что он видел в Риме на пожелтевших фотографиях, снятых в самые солнечные дни, да еще подретушированных.

Но чего он ждал? Такие фальшивые открытки, с подкрашенными голубыми небесами и пастельными тенями, не отражали действительности — так же как открытки с видами Рима, Флоренции и приморских курортов.

Однако Энцио с удовольствием подумал, что за разочарование он сполна расквитается, когда вскоре обольванит своим видом таможеню на острове Эллис.

Он родился не в Риме, как заявлено в документах, а на Сицилии, в Марсале. И настоящее имя его — Кацарелли. Маччиони он стал благодаря мужу своей тетушки, который взял его под крыло четырнадцать лет тому назад после тяжелых событий, заставивших его покинуть Сицилию.

Энцио обернулся на резкий стук в дверь и открыл ее. Стюарт в белоснежной униформе вежливо улыбнулся.

— Сэр, через пятнадцать минут мы будем в нью-йоркском порту. Вам потребуется помощь с багажом?

— Да, потребуется, благодарю вас.

— Я могу еще в доке, когда сойдете на берег, устроить вам носильщика, если пожелаете...

— Да, если б вы все это организовали, было бы весьма кстати. — Маччиони жестом обвел каюту. — Как видите, багаж у меня внушительный. — Порывшись в кармане, он протянул собеседнику серебряный доллар — солидные чаевые.

— С большим удовольствием, сэр. — Поклонившись, стюарт отступил на шаг. — Незамедлительно вернусь за вашим багажом.

Когда дверь закрылась, Маччиони улыбнулся. Путешествие первым классом имеет свои преимущества. Сомнительно, чтобы так церемонились с кем-либо в третьем классе. За последние четырнадцать лет фальшивый глянец настолько прочно пристал к Энцио, так отполировался, что почти слился с его естественным.

В подобном путешествии это было важно как никогда. Необходимо посеять хорошие семена отношений с новым народом, добродетелью укрепить свои первые шаги на этом пути. Поэтому не следовало смешиваться с навьюченной пожитками толпой переселенцев из его родной Сицилии.

В Новый Свет он войдет, соответствуя своим документам: Энцио Маччиони, импортер деликатесов. Два его огромных сундука и пять чемоданов будут вереницей тащить два или три носильщика. «Атташе» и дорогой граммофон он понесет сам. Недопустимо, чтобы багаж был доставлен не по адресу или украден.

Высокий, аристократичного вида Энцио предпочитал серые костюмы к своему легкому южному загару, полагая, что белые и кремовые цвета смотрятся слишком вызывающе. И всегда его украшал контраст-

ный шейный платок — ярко-синий или цвета бургундского вина.

Сторонние наблюдатели думали, что это лишь хорошо продуманный модный аксессуар, но на самом деле платок скрывал шрам на шее, полученный четырнадцать лет тому назад, когда резко изменилась вся его жизнь.

Пароходный гудок возвестил о входе в гавань, и Маччиони заметил в иллюминатор, что сквозь тучи пробился яркий солнечный луч, осветивший словно скрытую под серой вуалью статую Свободы и несколько зданий позади нее.

Он подошел к кофейному столику и в последний раз посмотрел на четыре печатных листа, лежавших на нем. Список имен и контактов, которые определяют его судьбу в Нью-Йорке, его успех или гибель.

Несомненно, первый визит он нанесет Карло Брунеру. Важно быстро наладить сеть поставок. Но Брунера жаловался на жесткие поборы со стороны городского гангстера Майкла Тирни.

Энцио надеялся выждать время перед тем, как заняться пресловутым мистером Тирни. Но, возможно, на церемонии времени не будет.

* * *

Не успев доесть вторую булочку, Луиза почувствовала недомогание.

Не стило так объедаться. Если честно, от всей этой беготни домой и опоздания у нее пропал аппетит, а желудок немного свело.

Но отец строго изогнул бровь и настоял:

— Ну же, возьми еще одну. Иначе придется выбросить.

Дочь побоялась огорчить его отказом. Про ее опоздание он ничего не сказал, а только неодобрительно повел бровью, взглянув на карманные часы.

— Пока булочки не остыли, все быстро за стол, — велел Бернтон, а потом указал на розетку с топле-

ными сливками. — Луиза, положи больше сливок на свою булочку. Ты же знаешь, как быстро они портятся.

Сливки на булочку пришлось накладывать до тех пор, пока его поднятая бровь не опустилась. Девушка почувствовала, как ее замутило от такой жирной еды, как сливки поползли обратно в горло, и поспешно сглотнула, борясь с тошнотой.

Услышав ее сдавленную отрыжку, отец снова изогнул бровь. Луиза прикрыла рот рукой и кашлянула, чтобы скрыть звук, но рвотные позывы повторились, застав ее врасплох.

Она крепко зажала рот ладонью, но сливки просочились сквозь пальцы, залив ее платье.

— О господи! — Отец в ужасе вскочил со стула и отступил.

Прежде всего его расстроило, что проверенный временем ритуал чаепития испорчен. Но когда Луиза встретилась с ним взглядом, то увидела, как искренне испугался он за ее здоровье. Правда, это было еще хуже.

— Сожалею, — пробормотала она и побежала в ванную, чувствуя, как тошнота снова рвется наружу.

* * *

Энцио Маччиони поселился в четырехэтажном доме из темного кирпича на Тридцать второй улице. При нем было рекомендательное письмо от приемной семьи в Риме, в котором сообщалось, что Франческа Ориемма владеет респектабельным доходным домом. Она привечала гостей со своей родины, и, после смерти ее мужа два года тому назад, все ее знакомые старались помочь ей чем могли. В Риме семья Ориемма были старыми друзьями семьи Маччиони.

Время не пощадило дом, и «респектабельным» его можно было назвать с большой натяжкой. Несомненно, важную роль в этом сыграло соседство с Тен-

дерлойном¹, где снимали комнаты клубные девицы, часто для мимолетных свиданий.

Но здесь было уютно и достаточно чисто, хотя обстановка была несколько спартанской. На первое время Энцио это устроило. Он согласился снять комнату на полгода.

Маччиони любил прогулки, но теперь приятное совмещалось с полезным. По его мнению, ничто так не помогало «почувствовать» город, его архитектуру, запахи и ритм. А для него было чрезвычайно важно как можно скорее ощутить биение сердца и трепет души этого города.

В конце улицы он свернул на юг на Шестую авеню и шел по ней, пока не добрался до Двадцать девятой улицы, сердца Тендерлойна. Была середина дня, район опустел, но Энцио слышал, что после «ужина», в восемь вечера, здесь оживали многочисленные клубы. На Бродвее, всего в нескольких кварталах отсюда, несмотря на то что большинство его концертных залов еще несколько часов должны были оставаться закрытыми, жизнь кипела в полную силу. Там было достаточно магазинов, ресторанов и любительских театров, гарантировавших оживление в любое время.

Поначалу Маччиони не понравилась сеточная планировка улиц. Просто в ней не было очарования извилистых и плавных линий итальянских городов. Казалось, что разом обнажены все городские тайны, нет никаких поворотов и сюрпризов. Но ориентироваться было легко, и в данный момент это идеально подходило для целей итальянца. Без труда можно было добраться до сердца города и быстро постичь его секреты.

Энцио отправился на юг, до Бауэри, а потом нанял двухколесный экипаж и проехал последние полмили до пивоварни Маклофлина на Перл-стрит. Он знал, что этот самый близкий к докам Ист-Ривер и печально знаменитый Четвертый район был раем

¹ Тендерлойн — район на Манхэттене.

для банд головорезов. В своем роскошном наряде Маччиони рисковал стать их добычей, так что он предусмотрительно припарковал свой экипаж в двадцати ярдах, но сделал это лишь потому, что не хотел привлекать внимания.

Щедро расплатившись с кучером, чтобы тот обождал его десять минут, сицилиец стал наблюдать за рабочими пивоварни, клерками и парочкой подростков, возможно, посыльных или ополченцев «уличной армии» Майкла Тирни, но нигде не заметил самого Тирни. Из газет, на снимках которых этот человек красовался наравне с местной элитой и городскими функционерами, Энцио было известно, как он выглядит. Гораздо труднее оказалось высмотреть Лайама Монэхэна, новую правую руку Тирни. У Маччиони было лишь словесное описание, но соответствующий этому портрету клерк в пиджаке и очках показался ему слишком маленьким и худым для Монэхэна.

Зато ему посчастливилось увидеть Джозефа Ардженти. Маччиони быстро прошел мимо последних нескольких домов к полицейскому участку на Малберри-стрит лишь для того, чтобы погрузиться в местную атмосферу. Это все еще был район банд и уличных грабителей, но именно здесь преобладали итальянские иммигранты, которых он уже видел в городе, и Энцио почувствовал себя почти как дома. Некоторые вывески напоминали Неаполь или Рим.

Почти напротив полицейского участка располагалось кафе. Не успел Маччиони допить второй капучино, как появился Ардженти в сопровождении двоих, шедших чуть позади него. Было ясно видно, что это лидер: Джозеф был невысок ростом, но жилист и настроен, а его слова и жесты — спокойны и уверены. В общем, человек, не привыкший к возражениям — по крайней мере, от тех, кто в тот момент был с ним рядом.

После того как Ардженти забрался в полицейский экипаж вместе с коллегами, Маччиони выждал несколько минут, допил кофе и вышел на улицу.

* * *

До ванной Луиза не добежала. Сделав три шага, она рухнула на пол, заливаясь рвотой, но теперь ей даже не хватило сил прикрыть рот рукой. Она просто лежала, беспомощно моргая, пытаясь разглядеть смотревших на нее отца и служанку Нэнси.

— Простите, — вяло произнесла девушка, закашлявшись и снова извергая только что проглоченную еду.

Был вызван врач семьи Берентонов, доктор Квигли, который с первых минут понял, что бессилён помочь Луизе. По симптомам, сбивчиво описанным Нэнси, которая пробежала три квартала до его хирургического кабинета, он предположил самое страшное и поэтому взял с собой ассистента, Бенедикта.

Закончив медицинскую школу всего четыре месяца тому назад, Бенедикт годился только в посыльные, или для стерилизации инструментов, или для приготовления лекарств под строжайшим контролем. Квигли нацарапал ему записку.

— Бенедикт, бегом с этой запиской до первого экипажа или велосипедиста; заплати им, чтобы срочно доставили это доктору Сорвенсену в госпитале «Бельвю».

В этой больнице у Сорвенсена была прочная репутация специалиста по гораздо более сложным случаям, от отравлений до редких тропических заболеваний. Его ассистент, доктор Типли, был гораздо более опытен, чем Бенедикт, однако спустя сорок минут интенсивных анализов Сорвенсену тоже пришлось, со смешанным чувством разочарования и бессилия, выбросить на ринг полотенце и воспользоваться своим ассистентом как простым посыльным.

— Думаю, надо прибегнуть к услугам доктора Джеймсона, — сказал он.

Почти три месяца тому назад в «Бельвю» появилась записка Финли Джеймсона о схожих случаях.

И, подобно доктору Квигли, Сорвенсен не мог оставить без наблюдения свою пациентку, пока не придет Джеймсон.

Типли повел бровью.

— Мне казалось, что услуги Джеймсона требуются лишь на вскрытии, *после* случившегося.

Его начальник резко развернулся, заметив на пороге спальни Джосайю Берентона. Не зная, когда тот подошел и что успел услышать, доктор грозно взглянул на своего помощника.

— Должно быть, вы пропустили его последний доклад, из которого следует, что огромный опыт в этом деле необычайно обогатил его медицинские знания.

Когда Бенедикт ушел, Сорвенсен отвел взгляд от тревожных глаз Джосайи и снова стал разглядывать его дочь, которая слабо дышала и едва подавала признаки жизни. Если честно, то он был недалеко от правды. В последнем докладе Джеймсона отмечалось, что чем скорее его вызвать после наступления смерти, тем лучше, поскольку, что бы ни поразило этих бедных девушек — за четыре месяца четыре жертвы, — обнаружить отраву в крови было почти невозможно.

— Надеюсь, чем раньше исследовать, тем больше шансов выявить причину, — сказал Сорвенсен.

Кроме того, объединив усилия, они с Джеймсоном могли бы спасти девушку. Но врача преследовала мерзкая мысль о том, что если его коллега задержится, пациентка умрет. Он чувствовал на спине пристальный, ждущий ответа, взгляд Джосайи Берентона: «Что с ней случилось? Неужели нельзя ничего сделать, пока не явился этот Джеймсон?» Но если к приезду второго врача она будет мертва, несмотря на странность того, что он вызвал Финли Джеймсона, пока она жива, получится, что он бессознательно следовал последней инструкции патологоанатома. Этот пронизывающий взгляд в спину становился просто невыносимым для Сорвенсена.

Глава 2

Когда девушка на сцене скинула третью вуаль, Элли Каллен скосила глаза на Финли Джеймсона.

— Что вы о ней думаете? — иронично изогнула она бровь. — И о самом представлении, конечно?

— Ты права. Она очень хорошенькая. — Темноволосая артистка на сцене, чья кожа отливала оливково-кофейным тоном, была просто шикарна, но в присутствии Элли ее спутнику не хотелось выглядеть слишком увлеченным и сентиментальным. — Выступление принимается хорошо, это верно. И ты права в отношении постановки. Ее артистичность смягчает рискованные моменты и придает действию больше изысканности.

Джеймсон догадался, что актриса была итальянкой или испанкой, но грим делал ее более темнокожей, в индийском или арабском стиле, чтобы больше соответствовать образу Саломеи. Сильно подведенные уголки глаз также придавали ей более экзотический вид.

По одобрительным звукам со стороны почти целиком мужской аудитории было понятно, что ее страстное, экзотическое выступление возымело желаемый эффект.

— Сечете, что для таких девушек эти постановки — неплохой вариант? — прокомментировала Элли. — Выход из трудной ситуации, если хотите.

— Не уверен, — отозвался Финли. Танцовщица скинула четвертую вуаль, обнажив одну грудь, и он не сводил с нее глаз. В зале раздался сдавленный стон. Сосок девушки был совершенно обнажен. Когда Элли повернулась к Джеймсону, словно ожидая услышать что-то еще, он жестом указал на сцену. — Несмотря на всю артистичность, это мало отличается от похожих постановок в клубах Бауэри и Тендерлойна, где девушки часто танцуют обнаженными.

— Да ладно вам, Финли! — усмехнулась Каллен. —

Мы с вами оба знаем, что там просто мясные рынки. Девушки показывают свой товар лишь как прелюдию к сексу. А эти девушки ничего такого не предлагают.

Джеймсон кивнул в сторону четырех или пяти девушек, работавших в зале.

— Позволю себе не согласиться. Те, кто вертится там, такие предложения не исключают.

Элли покачала головой.

— Дело в том, Финли, что у них есть выбор. Полгода тому назад Надин работала в зале, как эти девушки. Никаких вариантов — либо на консервном заводе, либо тряпичницей, либо уличной проституткой. Теперь же, через несколько месяцев танцевальной подготовки, у нее наконец появился выбор. И учитывая, что таких клубов открывается все больше, у девушек, подобных Надин, появляется больше возможностей. — Каллен махнула в сторону сцены, когда актриса скинула пятую вуаль, обнажив вторую грудь и упругий смуглый живот, отливающий маслом в свете газовых светильников. — Самое важное, что она получает от этого удовольствие.

Через секунду Финли кивнул.

— Мне нравится. Но для девушек это лишь шаг в сторону. Здесь нет того уровня безопасности, как в приютах Бет Джекобс.

В знак несогласия с ним Элли замолчала. Полтора года тому назад, после того, как молодой врач и эксперт-криминалист взял ее под свое крыло во время расследования дела Потрошителя, он научил ее читать и писать, а также помог исправить ее грубый уличный говор. Позже, всего четыре месяца тому назад, он привел ее в приют Бет Джекобс, сказав, что поскольку она так долго шла по этому пути, то, возможно, лучше всего подходит для спасения уличных девушек. Элли обрадовалась такой возможности и с готовностью предложила помощь приюту, продлив время работы молодой нянечки, заботившейся о ее трехлетнем малыше Шоне. Но, возможно, Джеймсон увидел в этом некое подобие соревнования: кто из